

Геннадий Григорьев начал говорить и писать стихи почти одновременно.

В качестве поэта Геннадий Григорьев сформировался в Ленинградском дворце пионеров, в творческом литературном кружке «Дерзание».

В начале 1980ых вместе со своим другом, Носовым Сергеем поступил в Литературный институт им. Горького, где продержался в качестве студента три года.

В начале 1990ых совместно с Николаем Голем вёл в Санкт-Петербургской газете «Смена» рубрику «Поэтерий "Гамбургский счёт"». В соавторстве с писателем Сергеем Носовым создал развлекательную радиопередачу «Литературные фанты», за которую получил премию журналистского профессионального конкурса «Золотое перо—98». Популярность приходит к Григорьеву во время перестройки, когда, благодаря таким стихотворениям, как «Сарай» и «Баллада об испорченном телевизоре», поэме «День Зенита», ставшими ленинградскими шлягерами, он приобрел любовь

широкой публики, на его поэтические концерты собирались полные залы. В 52 года Геннадия Григорьева принимают в Союз писателей Санкт-Петербурга. При жизни издан всего лишь один поэтический сборник «Алиби», позднее ещё две «Выдержка» и «Небо на ремонте»

В 2010 году учреждена Международная поэтическая премия им. Геннадия Григорьева.

ЭТЮД С ПРЕДЛОГАМИ

Мы построим скоро сказочный дом
с расписными потолками внутри.
И, возможно, доживем — до...
Только вряд ли будем жить при...
И, конечно же, не вдруг и не к нам
в закрома посыплет манна с небес.
Только мне ведь наплевать на...
я прекрасно обойдусь без...
Погашу свои сухие глаза
и пойму, как безнадежно я жив.
И как пошло умирать за...
если даже состоишь в...
И пока в руке не дрогнет перо,
и пока не дрогнет сердце во мне,
буду петь я и писать про...
чтоб остаться навсегда вне...
Поднимаешься и падаешь вниз,
как последний на земле снегопад ...
Но опять поют восставшие из...
И горит моя звезда — над!

ЗАВЕЩАНИЕ

А что я оставляю, когда я уйду?
Чем имя в потомках прославлю?
Наследства не будет. Имейте в виду:
Я вам ничего не оставляю!
И берег песчаный, и желтый прибой,
И яхту, и парус на мачте —
Я весь этот мир забираю с собой.
Живите без света — и плачьте!

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО

Каких только чудес на белом свете нету!
Конверт о трех углах, обычный, фронтовой...
Полвека, почитай, он провалялся где-то.
И вот пришел с войны и лег передо мной.
Наткнувшись на него среди макулатуры,
Я понимал: читать чужие письма - грех.
Но аккуратный штамп "Проверено цензурой"
Как бы уже письмо приоткрывал для всех.
Был цензор фронтовой рабом цензурных правил.
И он /а вдруг письмо да попадет врагу!/
Лишь первую строку нетронутой оставил
Да пощадить решил последнюю строку.
Я цензора сейчас не упрекну в бездушие.
Он свято чтит свой долг, он знал свои права.
Не зря же он письмо замазал жирной тушью.
Наверно, были там и вредные слова.
Писалось то письмо в окопе? на привале?
И кто его писал - солдат ли? офицер?
Какие сны его ночами донимали?
О чем он помышлял
во вражеском кольце?
.....Лишь "Здравствуй, жизнь моя!" - оставлено в начале.
И "Я люблю тебя!" оставлено в конце.
Как бы я с этой женщиной жил

Как бы я с этой женщиной жил!
За неё, безо всякой бравады,
я бы голову даже сложил,
что сложнее сложенья баллады.
Дав отставку вчерашним богам,
я б не слушал сомнительных сплетен.
И отдал бы ей всё, чем богат.
И добыл бы ей всё, чем я беден.
Я б ей верой и правдой служил!
Начиная одними губами,
я бы так с этой женщиной жил,
что в морях возникали цунами!
И, за нею не зная вины
(что поделаешь — годы такие...),
наблюдал я лишь со стороны,

как бездарно с ней жили другие.
Но однажды (я всё же везуч —
помогает нечистая сила)
протянула мне женщина ключ.
Поняла, позвала, поманила.
И теперь не в мечтах — наяву,
не в виденьях ночных, а на деле
как я с женщиной этой живу?
А как сволочь. Глаза б не глядели.

БОГА НЕТ...

Бога нет...
Ну что ж, и слава богу...
Без Него дотаточно хлопот.
Сея в сердце смутную тревогу,
над землёй
пасхальный звон плывёт.

Бога нет...
Но так, на всякий случай,
позабыв про деньги и харчи,
затаи дыхание и слушай,
как пасхальный звон плывет в ночи.

Всё сильнее, всё праведней, всё выше
золотой
звучащею стеной
движутся колокола,
колыша
черный воздух
над моей страной.

Бога нет...
Ну что ж, я понимаю...
И, влюбленный в белый, бедный свет,
я глаза спокойно поднимаю
к небесам,
которых тоже нет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Осенней ночью, бледен и небрит,
как после всенародного гулянья,
я возвращаюсь к женщине. Стоит
глухая ночь. Стоят глухие зданья.

Стоит фонарь на мокрой мостовой.
Стоит луна, роняя свет свой тусклый.
Стоит троллейбус. Урна. Постовой.
Стоят часы на старой башне думской.

Стоят часы... Ну это ли не ересь?
Когда бы я на Невском ни бывал,
они всегда названивали через
пятнадцатиминутный интервал.

Теперь стоят. Гул времени затих.
Все замерло вокруг. И поневоле
стоят Кутузов и Барклай де Толли
на постаментах каменных своих.

Стоит в Неве чугунная вода.
Стоит речной трамвайчик у причала.
Стоят семидесятые года. И только я,
беспечный и усталый,

неудержимо прохожу сквозь ночь,
движением своим не обольщаясь,
поскольку тоже постоять не прочь,
но к женщине,

к любимой,

возвращаюсь.

ДВОРЦОВЫЙ МОСТ

На Пушкиным воспетые места
(а также современными поэтами)
мальчишка ссыт с Дворцового моста!
И я его приветствую поэтому.

Ссы, мальчик мой! В том смысле, что — не ссы!
Не бойся Достоевского и Пушкина —
Оттикали последние часы
Эпохи, что была для них отпущена.

Пускай струя, как луч, рассеет тьму!
Мы ж не напрасно время торопили!
Пойдет во благо граду твоему
Сеанс такой уринотерапии!

Струя над миром выгнулась дугой!
А под мостом играют волны, пенясь!
Одной рукой придерживая пенис,
Он обнимает девочку другой.

Кто говорит, что нет на нем креста?
Пусть говорят! Не верьте этим людям?
На то, что было, и на то, чем будем,
Мой мальчик ссыт с высокого моста!

ВИСЕЛЬНИК

Жизнь его, должно быть, доконала.
В Петербурге, ночью, в ноябре,
Близ аптеки, около канала
Человек висел на фонаре.

Очевидно, парень был поэтом.
Пел, куда не накрыла сеть.
А зачем иначе в месте этом
Вдруг ему приспичило висеть?

Сам себя поэт повесил? Или
Кто-то из приятелей помог?
Думаю, что все же подсадили,
Ибо столб достаточно высок.

Проиграв в неравном поединке
Он рванулся в петлю головой.
Высоко качаются ботинки,
Словно он шагает над землей.

У него — ни родины, ни веры.
У него — ни правды, ни любви.
Не спешите, милиционеры,
Вынимать поэта из петли.

Для него закончилась дорога
Жесткою петлей под кадыком.
Пусть он повисит еще немного,
Он вас не заденет каблуком.

ПРОЩАЛЬНЫЙ РОМАНС

И настает печальный час,
И по проспекту городскому,
Себя доверив гороскопу,
Уходят женщины от нас.
Навстречу истинной судьбе,
Навстречу игрищам и торгам
Они уже спешат с восторгом —
Они уверены в себе.
А по прудам идут круги,
А в старом парке гаснут клены...
Еще нежны, но непреклонны —
Уходят женщины к другим.
Они спешат на дальний свет
(да будет он хоть трижды ложным!)
и остаются в нашем прошлом.
Ведь в нашем будущем — их нет.
А мы? А мы им все простим
И, улыбаясь, выйдем в вечер.
Но не вослед пойдем. Навстречу.
Навстречу женщинам другим.

